

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В XVIII ВЕКЕ

Джумагулова Айгуль Темерхановна

кандидат исторических наук, доцент, Пятигорский
государственный университет
aigul-men@mail.ru

Колесов Максим Александрович

Аспирант, Пятигорский государственный университет
tsargrad333@yandex.ru

RUSSIAN EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE XVIII CENTURY

**A. Dzhumagulova
M. Kolesov**

Summary: The purpose of the article is to highlight the key issues in the study of the process of incorporation of the Northern Black Sea region into the Russian Empire in the XVIII century. Important attention is paid to the problem of identifying the model of imperial integration of the region, which means methods of inclusion, retention mechanisms, management organization, as well as measures taken by central and regional authorities to maintain ethnopolitical stability in the Northern Black Sea region. The scientific novelty of the work lies in the approach to studying the dynamics of the formation of universal and unified political, legal, and socio-cultural standards (imperial) in the region, the degree of transformation of traditional societies under the influence of this process. The model of imperial integration of the Northern Black Sea region in the XVIII century is considered by the authors on the basis of the concept of administrative and territorial integration of the region by A.V. Remnev, the functional analysis of the empire as a political system by S. Kaspe and the general stages of Russia's policy towards its outskirts by J.B. Kundakbayeva.

Keywords: Russian Empire, Ottoman Empire, Crimean Khanate, Tauride province, XVIII century, imperial integration.

Аннотация: Цель статьи: выделение ключевых вопросов в изучении процесса инкорпорации Северного Причерноморья в состав Российской империи в XVIII столетии. Важное внимание уделено проблеме выявления модели имперской интеграции региона, под которой понимаются методы включения, механизмы удержания, организация управления, а также мероприятия, предпринимаемые центральными и региональными властями для поддержания этнополитической стабильности в Северном Причерноморье. Научная новизна работы заключается в подходе к изучению динамики формирования в регионе универсальных и унифицированных политико-правовых и социокультурных стандартов (имперских), степень трансформации традиционных обществ под влиянием этого процесса.

Модель имперской интеграции Северного Причерноморья в XVIII в. рассматривается авторами на концепции административно-территориальной интеграции региона А.В. Ремнева, функциональном анализе империи как политической системы С. Каспе и общих этапах политики России в отношении ее окраин Ж.Б. Кундакбаевой.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, Крымское ханство, Таврическая губерния, XVIII век, имперская интеграция.

Введение

Исследование политики России в отношении освоения и развития своих окраин вновь становится актуальными. Это обусловлено текущим состоянием российской государственности, переживающий не просто процесс реформирования, но и системного преобразования. Ретроспективный анализ структуры Российской империи, особенно с точки зрения изучения уникального механизма освоения и удержания новых территорий в составе империи, причин устойчивости ее конструкции имеет значение для выработки стратегических задач в области национальной политики.

Актуальность исследования определяется тем, что современная Россия решает в настоящее время во многом схожие задачи по интеграции «новых регионов» в общероссийское правовое, экономическое и гуманитарное пространство, которые успешно были решены еще в XVIII столетии и опыт тех далеких времен не только по-

учителен, но и может быть полезным. Также изучение интеграционных процессов в цивилизационное пространство в контексте исторического прошлого и осмысления настоящего позволяет противостоять сепаратистским настроениям и идеям, питающим благоприятную среду для межнациональных конфликтов, а цивилизационный аспект исследования направлен на осмысление прошлого в целостных исторических реалиях. Анализ опыта развития Российской государственности приобретают особую важность, в связи с тем, что история относится к той области социального знания, которая открыта для переоценки и различных интерпретаций. Поэтому особенно важно, чтобы формирование чувства национального самосознания шло на основе объективного и обоснованного знания.

Целью публикации является исследование процесса имперской интеграции, под которым понимаются методы включения Северного Причерноморья, механизмы удержания региона в составе империи, а также после-

дующая организация управления и мероприятия местными народами для поддержания этнополитической стабильности в регионе.

Материалами для исследования послужили респириты, письма, реляции и донесения, опубликованные в сборниках документов. Источниковую базу исследования также составили материалы Российского государственного военно-исторического архива.

Исследование выполнено с опорой на традиционные *методы* изучения: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, а также метод исторического моделирования. Они позволили добиться значительных успехов в изучении проблемы.

Обсуждение

Особенности политики Российской империи в процессе присоединения Крыма к России раскрывается на материале как специальных исследований, так и обобщающих работ историков. Сравнительно исторический анализ взглядов историков позволяет показать эволюцию исторических идей, вызванную не только переменами в обществе, но и внутренней полемикой, развитием самой науки.

Историография проблемы политики России в освоении и развития Северного Причерноморья начала складываться в XVIII в. Появление ее связано с развитием России как многонационального государства и появлением азиатского вектора во внешней политике России. Однако работы по данной теме были посвящены либо общему историческому значению события, либо рассматривали отдельные аспекты проблемы. Небольшое количество работ посвящено вопросам освоения земель Крыма после его присоединения к России.

Дореволюционная историография рассматривала эти отношения через призму имперской истории, в частности военно-политические аспекты присоединения Крыма к России, истории восточного вопроса, особенностей русско-турецких противоречий и т.д. [16; 21]. Как современники, так и участники описываемых событий, дореволюционные авторы, учитывали общую оценку событий в представлениях ведущих генералов и дипломатов того времени.

Ученым советского периода пришлось переосмысливать исторические события в рамках марксистской идеологии. В новых исторических условиях приветствовалось любое разоблачение царизма, а детальный исторический анализ событий не был востребован. Благоприятное влияние на улучшение качества исследования проблемы оказало расширение диапазона рассматри-

ваемых вопросов, разработана новая периодизация проблемы, восходящая к внешнеполитическим и экономическим контактам Московского царства с Османской империей и правителями Крымского ханства [5; 8; 10].

К настоящему времени создана солидная историографическая база, раскрывающая особенности внешнеполитической, военной и социально-экономической проблематики, трудами по региональной истории и международным отношениям, коллективными и авторскими монографиями [1; 9; 14; 20; 22 и др.].

Следует отметить, что в зарубежной историографии региональные аспекты Российской империи изучаются на основе концепции «фронта». Степная пограничная зона, проблема включения его в состав империи исследована на основе данной концепции профессором М. Ходорковским (Чикаго, США), автора ряда работ по проблемам национальных окраин Российской империи [30]. На большом хронологическом периоде (1500–1800) исследовал превращение южного и юго-восточного фронта, который он определяет, как этнополитическое пространство, обладавшее изменчивым и малоизученным статусом, не включённым полностью в юрисдикцию Российского правительства, в часть Российской империи. Тем не менее ограниченность источниковой базы не позволили в достаточной степени представить сложность и многофакторность процесса включения региона в состав империи. За пределами исследования оказались проблемы межимперского соревнования за пограничные территории, что в значительной степени делает односторонним изложение процесса расширения Российской империи на Восток.

Исходя из политики инкорпорации новых территорий к Российской империи, вырисовываются новые подходы к ее исследованию. В предшествующей историографии она исследовалась в основном в контексте ее результата. В зависимости от господствующей концепции политика России рассматривалась как завоевательная, экспансионистская или рассматривалась с позиции классового подхода, когда в политике России вычленилась политика царизма – «тюрьмы народов» и политика демократической России, которая обусловила прогрессивные последствия присоединения народов. Появилась необходимость в изучении не результатов политики России, а самого процесса. Таким образом, новая постановка проблемы заключается в необходимости изучения политики России в процессе инкорпорирования ее южных окраин как процесса имперской интеграции.

Модели имперской интеграции

Термин «имперская интеграция» был предложен Ж.Б. Кундакбаевой как ключевое в исследовании про-

блемы политики Российской империи в освоении новых земель и инкорпорации народов в XVIII в. [15, с. 97]. Так, термин «присоединение», распространенный в советской исторической литературе, затушёвывал многогранность и сложность процесса, а также временную длительность; другой термин – «завоевание», акцентировал внимание на насильственном, принудительном характере процесса, между тем, факты показывают, что данный инструмент не являлся эффективным в механизме инкорпорации. Под имперской же интеграцией подразумевается территориальное освоение региона и включение его в административно-бюрократическую систему империи, подключение населения к общеимперской системе ценностей и политической культуре империи. Данный процесс предлагается в виде синтезированной модели на основе теоретических разработок зарубежных и российских исследователей.

Еще в 1971 г. американский историк Марк Раев наметил модели имперской политики России и выделил три важных ее этапа: «1) завоевание или присоединение того или иного региона; 2) административно-правовая адаптация как следующий этап; 3) бюрократическая и культурная ассимиляция региона и населяющих ее народов» [2, с. 28].

Свою модель М. Раев назвал «имперской экспансией и включения в состав империи национальных меньшинств» и выделил следующие измерения экспансии: территориальное, политическое, социально-экономическое и культурное» [2, с. 29]. Однако предложенная М. Раевым модель хотя и выглядит обобщенной, но не передает внутреннюю сущность многогранного процесса взаимодействия традиционного общества с имперской структурой [15, с. 97–98].

Модель административно-территориальной интеграции региона, основанной на концепции «центр–периферия» социологов Э.А. Шилза (1911) и Ш.Н. Эйзенштадта (1923), предложил российский исследователь А.В. Ремнев. Он является автором теоретической модели организации регионального управления и региональной административной политики. Данный подход был апробирован А.В. Ремневым на материалах Сибири и Дальнего Востока [25, с. 317–344.]. Согласно его модели, административно-территориальная интеграция региона имеет значительную временную протяженность, определенную последовательность и проходит несколько этапов.

«I этап – освоения территорий, создание кордонных пунктов, оборонительных рубежей на границы. На данном этапе важную роль играют традиционные институты власти, реализуемые через местные элиты и знать, лишь направляемые центральными органами власти.

II этап – постепенная административно-правовая адаптация населения по средствам внедрения региональных органов власти с некоторым военно-административным функционалом.

III этап – уравнивание в административно-политическом статусе региона, создание единой инфраструктуры и постепенная социально-экономическая адаптация населения.

IV этап – «имперское поглощение региона» – административно-бюрократическая унификация региона и цивилизационная адаптация населения в составе империи», – А.В. Ремнев [25, с. 52–66].

Данная модель административно-территориальной интеграции региона выглядит универсальной и позволяет охватить всесторонне процесс властного освоения территорий. Но процесс имперской интеграции региона включает не только процесс территориального освоения, включения в административно-политическую систему Российской империи, но и сложные механизмы инкорпорации, имперские технологии, обеспечившую устойчивость системы.

Использование метода С.И. Каспэ позволяет наполнить этапы административно-территориальной интеграции внутренним содержанием. Рассматривая империю как структуру, Каспэ показал, в какой степени и какими методами компоненты имперской структуры обеспечили культурно-политическую интеграцию пространства империи [11, с. 85–108].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в настоящем исследовании перед авторами стоит задача изучения вопроса о том, какими средствами, кроме военной силы России удавалось сохранять огромный конгломерат народов и территорий на протяжении нескольких веков. Авторы предлагают выделить на основе историко-географического принципа (региональный подход) в качестве объекта изучения Северное Причерноморье и изучить в течение длительного исторического отрезка как самостоятельный регион, игравший большую роль в процессе территориального расширения Российской империи на юг. Особая геополитическая и геостратегическая роль Северного Причерноморья на евразийском материке, обусловили борьбу Российской и Османской империи в XVIII в. Такие политико-географические факторы как пограничность и полиэтничность обусловили определённые особенности включения этих территорий в состав России в XVIII в. Стоит отметить, что методы российской администрации, апробированные в Северном Причерноморье, были применены в дальнейшем на Северном Кавказе и в Средней Азии.

Имперская интеграция Северного Причерноморья в состав Российской империи в XVIII в.

Интеграции Крыма в российское цивилизационное пространство начался в XVI в., когда с распадом Золотой Орды ключ объединения Евразии перешел к Москве и южное направление приобрело особую геополитическую значимость. Московская Русь стремилась выйти к берегам Черного моря, используя большой арсенал средств и приемов по реализации своих планов. Середина XVI в. ознаменовала внешнеполитические успехи России: были покорены Казань и Астрахань, изменив этноконфессиональный состав Московского государства и его роль в жизни народов, входивших в состав Золотой орды. Вместе с тем эти завоевания проходят на фоне нарастающих деструктивных тенденций внутривнутриполитического характера, «обусловленных столкновением этнократических традиций государственности, уверенно нарастающих в течение всего XVI в.» [29, с. 19–20].

В конце XVII в. крымско-кавказский регион вовлекается в орбиту сложных военно-политических, хозяйственных и этноконфессиональных противоречий, ставших частью острейших проблем межгосударственных отношений России, Турции, Крымского и Калмыцкого ханств, Ногайских орд и европейских государств. С окончанием Северной войны Россия преобразовывается в модель имперского государственного образования: Петр I взялся за решение проблем южных российских окраин. Каспийскому походу предшествовало экономическое и политическое обследование региона. Главной целью похода было предотвращение угрозы вторжения Османской империи и Ирана в южнорусские степи. Результатами этого похода явились основание крепости Святой Крест, присоединение Дагестана, Апшеронского полуострова, Ширванского ханства, Баку и других территорий [3, с. 95–98].

Наличие на южных российских рубежах так называемых «барьерных» территорий, созданных Османской Портой в 1700–1713 гг. провоцировало превращение слабо контролируемых областей в зону фронта, с характерными для бесконтрольного приграничья признаками политической неопределенности и военно-административной неустойчивости, способствовавших разрастанию непрерывной войны от Днепра до Предкавказья. Взяв на себя международные обязательства по соблюдению демаркационной линии в турецко-русском приграничье, Османская Порта не смогла предотвратить превращение искусственно созданных «барьерных» территорий в зоны отчуждения, состоявшие из разрозненных, обезлюдивших, опустошенных земель, являвшихся опорными пунктами для организации крымских набегов на южное порубежье [20].

Территории с характерным для них государственно-правовым и политико-административным вакуумом являлись азово-причерноморским, а с 1739 г. кавказским фронтиром – зоной скрытого и явного противостояния России и Османской Порты. Если Петровская Россия в своем стремлении в освоении южных рубежей была относительно независима от внешнего влияния, то начиная с 30–40-х гг. XVIII в. наблюдается активное вмешательство европейских стран в русско-турецкие дела. Россия и Османская империя в первой половине XVIII в. с разной степенью успеха пытались выработать подходы к установлению стабильных вассально-подданных отношений с политическими образованиями кочевников на периферии своих владений: крымской знатью, ногайскими и калмыцкими предводителями [20, с. 26].

Интересы России в Северном Причерноморье диктовались необходимостью обезопасить южные границы, а также стремлением получить полноценный выход к Черному морю. К 1760-м годам актуальность обозначенных проблем значительно возросла. Столкновение русских и турецких интересов в Речи Посполитой стали поводом к одной из ключевых по значению войн между Российской и Османской империями.

В ходе кампании 1770 г. русская армия и флот разгромила турецкие войска в Наваринском и Чесменском сражениях в битвах при Ларге и Кагуле. Летом 1771 г. 2-я армия при поддержке Азовской флотилии прорвала укрепления у Перекопа и захватила Кафу (Феодосию). Крым был покорен. Крымские татары самостоятельно избрали новым ханом пророссийски настроенного Сахиб Герая, который начал мирные переговоры с Россией. 1 ноября 1772 г. новоизбранный хан Сахиб Герай II подписал Карасубазарский трактат, объявлявший о независимости Крымского ханства от Османской империи, находившегося в вассальной зависимости с 1478 г. [19, №13943, с. 708–712]. Положение трактата отражали особенности трансформаций, происходивших в регионе. Изменение международно-правового статуса Крымского ханства демонстрировало усиление российской стороны в Северном Причерноморье. Одновременно, российские власти устанавливали дипломатические отношения с проживавшими в регионе ногайскими мурзами и беями, которые в середины XVIII в. изъявляли желание принятия российского подданства [26, Ф. 846. Оп. 16. Д. 19069. Л. 5; 4, с. 29–33]. Османская империя, в среде той же крымской-татарской и ногайской знати, пыталась поднять антироссийские настроения. В феврале 1773 г. военные действия между Россией и Турцией возобновились, но неудачи в ходе войны заставили Турцию начать переговоры о мире. 10 июля 1774 г. в местечке Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор, завершившего войну 1768–1774 гг. Мирный трактат провозглашал независимость Крымского ханства. По условиям мирно-

го договора Турция признавала независимость Крымского ханства. Россия также присоединила Большую и Малую Кабарду, Азов, Керчь, Еникале, а также Кинбурн с прилегающей к нему степью между Днепром и Бугом. Россия и Османская империя обязались не вмешиваться во внутренние дела ханства, при этом признавалась духовная власть султана как главы мусульман (халифа) над татарами и номадами [5, с. 350–351].

Изменение политического статуса Крымского ханства вызывали определенные противоречия в среде крымской знати, привыкших оглядываться в своих международных воззрениях на Османскую империю. Крымские ханы Сахиб Герай II (1771—1775) и Давлет Герай IV (1775—1777) в своей политике ориентировались на возврат Крыма под покровительство Османской Порты. Этому способствовало изменение международного статуса Крыма и трансформации в отношениях с соседними народами и государствами. В частности, начали возникать проблемы в отношении подданства ногайских орд, особенно в отношении Буджакской орды, которая ранее признавала себя подданным крымских ханов. Из-за присоединения к России части континентальных земель территория Буджака стала отрезана от ханства, и турецкие власти начали устанавливать там свой прямой контроль. Аналогичная ситуация сложилась и с черкесами, которые и прежде всего признавали власть крымских ханов условно. Кубанские ногайцы также занимали подобную позицию, то поддерживая пророссийских ханов, то переходя на сторону турецких Гераев [9, с. 378].

21 апреля 1777 г. перипетии на крымском престоле дали возможность войти на престол пророссийски настроенному Шагин Гераю. Свою деятельность он начинает с преобразований в управлении ханством, направленных на усиление центральной власти, хозяйственной деятельности, регулирования экономики и финансов. Многие реформы диктовались необходимостью преобразований ввиду уменьшения территории ханства. 10 марта 1779 г. усилиями российской дипломатии была подписана Айналы-Кавакская конвенция, по условиям которой духовная власть турецкого султана-халифа над крымскими ханами превращалась в простую формальность. Тем самым на официальном уровне окончательно прекращалось вмешательство турецкого двора в дела власти и управления в Крыму, и, соответственно, укреплялось влияние российских властей, как через дипломатических представителей, так и через военную администрацию пограничных с Крымом регионов [23].

Шагин Герай усердно стремился к проведению реформ в Крымском ханстве, вдохновляясь опытом могущественных соседних государств. Несмотря на это, его усилия не приносили желаемых результатов. Многовековая традиция организации власти и управления в

Крыму обусловила сохранение ряда элементов административной структуры ханского времени. Влияние могущественных родоплеменных предводителей беев и ханов продолжала сохраняться, как и в прежние времена. Неспособность крымского хана справиться с управлением орд ногайских кочевников вынудили российские власти взяться за урегулирование волнений в Крыму, начавшихся в 1781 – 1782-х гг. Именно в этот период Россия перестала рассматривать Крымское ханство в качестве равноправного партнера на международной арене и появились проекты по присоединению Крыма к России [9, с. 384].

С начала 1783 г. российские власти начали вести переговоры с татарской знатью по поводу принятия Крыма в российское подданство. В результате уже в конце февраля 1783 г. Шагин Герай добровольно отрекается от престола в пользу Екатерины II. 8 апреля 1783 г. был издан манифест Екатерины II, по которому Крым, Тамань и Кубань становились российскими владениями. В манифесте подробно обосновывалась необходимость присоединения Крымского ханства к России. Многие формулировки манифеста имели довольно нейтральный характер, так как были рассчитаны на Османскую империю и европейские государства [19, №15708, с. 897–898].

Так, в период независимости Крыма (1771–1783) произошло множество событий, которые повлияли на внешнеполитическую стратегию России и создали предпосылки для присоединения полуострова. Подписание мира в 1774 г. дало Крыму формальную независимость от Османской империи и открыло для России возможность укрепить свое влияние в регионе. Особенности внешнеполитической ситуации вокруг Крымского ханства привели к тому, что протекторат России над ним оказался кратковременным.

В 1783 г. запускаются проекты по интеграции Крыма в экономическое, правовое и культурное пространство Российской империи, что имело решающее значение как для России, так и для Крымского ханства и ногайских орд. После принятия «Крымского полуострова, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Державу Российскую» власть стремилась усилить контроль в регионе и обеспечить надежные выходы к Черному морю [13, с. 133–135].

Модель административно-территориальной интеграции Северного Причерноморья к России имела определенную временную протяженность и определенную последовательность. К ней применима синтезированная модель имперской интеграции региона на основе теоретических разработок зарубежных и российских исследователей [25, с. 52–66]. Первый этап охватывает процесс первоначального освоения территорий, создание

опорных военных пунктов, оборонительных рубежей, установление рубежа внешней границы. На этом этапе высока роль местной власти, лишь координируемой и направляемой центральной властью и создание административных органов, не нарушавших прежние институты власти и общества. В течение XVIII в. включение периферийных регионов в общеимперское пространство России осуществлялось не путем прямого завоевания и присоединения, а через отторжение их от власти соперничающих с Россией государствами. Предоставление независимости Крымскому ханству и кочевым ногайцам, дальнейшее вовлечение их в сферу своего протектората и последующее включения в состав империи демонстрируют особенности раннего имперского регионализма и разработки окраинной политики. Присоединение Крымского полуострова окончательно превратило Российскую империю в крупнейшую мировую морскую державу, что соответствовало ее огромной территории и возросшему могуществу на мировой арене.

В феврале 1784 г. Екатериной II был подписан указ о формировании Таврической области. В этом указе было отмечено, что управление новой областью было поручено генерал-губернатору князю Г.А. Потемкину. Таврическая область стала обширной и включала не только полуостров, но и значительную часть земель на берегах Черного моря и Таманский полуостров. Среди множества решений императрицы, принятых в феврале, был отдельный указ, который предоставлял татарским князьям и мурзам все привилегии российского дворянства [14]. Власть в крымском регионе была распределена с участием татарских представителей из влиятельных семей. Мегметша бей Ширинский стал Крым-Валеси, наместником Крыма. Татарская знать возглавила уездные органы власти, а также крымские татары управляли каймаканствами на низшем уровне административной структуры. Это способствовало установлению лояльности крымской знати к новому правительству. Екатерина II определила политику в отношении татар, служащих в российской армии, поручив князю Г.А. Потемкину набирать мурз и чиновных лиц в армию и предоставлять им высокие офицерские звания, но не выше премьер-майора. При необходимости князь должен был обращаться к императрице за утверждением более высоких званий. Такие меры были направлены на легитимизацию новых порядков. Основным фактором для быстрых преобразований в Крыму, по мнению Потемкина, было привлечение крымских татар в органы власти, что было важным для местных народов [7, с. 25–26].

На данном этапе «имперской интеграции» была организована инфраструктура по подобию имперской и одновременно проводилось культурное закрепление. Здесь интересны механизмы, которыми Екатерина II и князь Г.А. Потемкин осуществляли освоение и удержа-

ние территории. Они заключались в создании смешанных органов местного управления и суда, вовлечении местной светской и религиозной знати в управление полуостровом и гарантирование местному татарскому населению прав, свобод и защиты. Немаловажная роль отводилась военно-политическому и социально-экономическому развитию полуострова путем строительства городов, крепостей, гаваней, верфей и военно-морского флота. Также были проведены работы по развитию хозяйства и созданию благоприятных условий для жизни переселенцев.

Особое внимание уделялось сохранению местной культуры, языка и религии. В Манифесте о присоединении Крыма были подтверждены права на защиту званий, имущества, вероисповедания наравне с остальными подданными России. Сенатом России были изданы книги, указы государыни и правительственные постановления на татарском, турецком, арабском и персидском языках для жителей Крыма. По приказу Потемкина был издан Коран [17; 18]. Подобные меры демонстрируют меры центральных властей, направленные на защиту местного населения. Тем не менее они не всегда приводили к желаемым результатам. Местное население, под влиянием турецкой агентуры, покидало родные места переселяясь на территорию Оттоманской Порты [4, с. 40–43; 7, с. 25–26].

Интеграция Крыма в геокультурное пространство России в XVIII в. сопряжена с многочисленными вызовами. Процесс адаптации был двусторонним: с одной стороны, проводились реформы, направленные на интеграцию крымских татар в российское цивилизационное пространство, с другой – стремление сохранить особенности жизни, быта и культуры автохтонов. Адаптация предполагала диалог между разными культурными идентичностями, что способствовало бы более мягкой и эффективной инкорпорации полуострова в состав Российской империи [28].

Одним из важных вопросов в обустройстве полуострова стала проблема нехватки населения. Потемкин-Таврический предпринимал разнообразные меры, чтобы заполнить полуостров населением. Так, к примеру, было разрешено беглым крестьянам оставаться на полуострове, несмотря на обязанность властей возвращать их своим владельцам. Создавались привлекательные условия для переселения помещиков, вместе со своими крепостными. Большие участки земли, по 60 десятин на семью, шестилетнее освобождение от уплаты налогов выступали привлекательными факторами для переселенцев. В регион направлялись солдаты, непригодные к несению военной службы, иностранные поселенцы. Потемкин занимался поддержкой новых поселян: их обеспечивали скотом, предоставляли сельскохозяйствен-

ные семена для посевов и прочий инвентарь [26, Ф. 846. Оп. 16. Д. 19066. Л. 8–26]. Подобными мерами народонаселение Екатеринославской и Херсонской губерний увеличилось со 154 000 до 357 000 человек, а жителей Таврической области с 36 931 мужчины в момент присоединения к России до 150 000 в 1790 г. [6, с. 313].

В 1784 г. генерал-губернатор Г.А. Потемкин поручил провести топографическое обследование полуострова с целью поиска удобных мест для строительства новых городов и крепостей. На территории бывшего татарского селения Ак-Мечеть была построена столица Тавриды – Симферополь, появились новые города, укреплялись старые – Херсон, Екатеринослав, Николаев, Севастополь и Симферополь [7, с. 25].

Стремление Османской империи вернуть утраченные в войне 1768–1774 гг. земли, а также присоединенный к России Крым и Восточную Грузию, над которой в 1783 г. был установлен протекторат Российской империи, стали поводом к русско-турецкой войне 1787 – 1791 гг. [12, с. 190-197; 13, с. 135-136]. Успехи русских войск на суше и на море – осада и взятие Хотина, Очакова, Измаила, в сражениях под Фокшанами, при Рымнике, у мыса Калиакрия – предопределили победу России. По условиям Ясского мирного договора за Россией закреплялось все Северное Причерноморье, включая Крым, Турция отказывалась от претензий на Грузию. В состав России также вошли земли между Южным Бугом и Днестром, в том числе крепости Очаков и Хаджибей. На месте последнего вскоре был основан город Одесса. Россия прочно утвердилась на берегах Черного моря, что позволило обеспечить дальнейшую административно-правовую и социально-экономическую интеграцию Крыма в общероссийское пространство.

На последнем этапе «имперской интеграции» происходит внедрение унифицированных управленческих структур и культурно-политическая адаптация населения к особенностям цивилизационной среды. Данный этап включал в себя сложные механизмы имперских технологий, обеспечивавших устойчивость системы. На данном этапе, как представляется, не обходилось и без некоторых проблем. Постепенное изменение состава элит, а именно группы, имеющей реальные властные полномочия, влекло за собой смену политических стратегий и приоритетов властных элит. Это сопровождалось переселением некоторых автохтонов (крымских татар) на территорию Османской империи. Однако эти процессы относятся к концу XVIII–XIX вв.

Выводы

Одной из чрезвычайно важных проблем российской истории является процесс включения и удержания в

составе империи территорий, населяемых народами, с другими типами экономики, социального устройства, с разными этническими и конфессиональными характеристиками. Процесс присоединения Крыма к России, его освоения и удержания явно демонстрируют дискурс «империи», описывающей форму многонационального государства и разработки окраинной политики.

Модель имперской интеграции региона, основанная на административно-территориальной интеграции региона А.В. Ремнева, функциональном анализе империи как политической системы С. Каспэ и общих этапах политики России в отношении ее окраин Ж.Б. Кундакбаевой можно представить следующим образом:

На первом этапе происходило оспаривание территорий, создание форпостов и кордонов на границе. На втором этапе контролируемая территория «оцентрировалась», вокруг нее создавались оборонительные сооружения, размещаются регулярные и нерегулярные войска, создается региональный центр власти. На этом этапе главной задачей становится установление военно-административного надзора над традиционными институтами власти. На контролируемой территории сохраняются этнокультурные особенности населения, социокультурная мозаичность. Главной задачей становится установление оптимального режима взаимодействия с местными владельцами – элитой. В отношениях с местной знатью центральная власть балансирует между двумя векторами: с одной стороны, она вынуждена усиливать тех владельцев, на которых опирается. С другой стороны, империя должна установить приемлемые пределы интенсивности конкурентной борьбы местных элит, постепенно ограничивая их власть, подчиняя общеимперским интересам. Немаловажное значение на данном этапе играет установление внешней и внутренней однородности имперского пространства. Каналами цивилизационного приобщения становятся: распространение городской модели, изменение образа жизни автохтонов и типовых потребления. Через «вторичных агентов»: политические церемонии, деньги, дарование почетных отличий, через политические тексты подвластная элита подключается к имперской политической культуре.

Третий этап имперской интеграции региона – переход от военно-политического надзора над традиционными институтами власти народов к установлению административной однородности с Россией. На протяжении данного периода влияли природно-климатические и этносоциальные факторы, а также общеисторическая архаика. На данном этапе главным содержанием процесса является интеграция гетерогенного в этнокультурном отношении имперского пространства в единый социально-политический организм.

Последний этап, основным содержанием которого является включение региона в общероссийскую бюрократическую систему, устанавливается административная однородность. Регион становится периферийной частью Российской империи. Настоящий период относится к рубежу XVIII–XIX вв.

Следует отметить, что интеграция любого региона в состав империи имела значительную временную протяженность. Это не значит, что последующие этапы после территориального освоения начинали срабатывать только после включения всего региона в состав империи. Россия, шаг за шагом, постепенно продвигаясь, на основной части сразу же начинала его властное освое-

ние. Там осуществляются последовательно следующие этапы имперской интеграции. При этом параллельно начинается первоначальное освоение следующей части региона и новый цикл имперской интеграции происходил уже там.

Таким образом, предлагаемая модель имперской интеграции Северного Причерноморья представляется наиболее адекватно отражающей сложный и многогранный процесс, заключающий в себе методы и механизмы территорий и народов, их населяющих в состав империи, технологии последующего удержания в имперском политическом пространстве, а также оптимизацию управления народами окраин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин С.В. Основные моменты истории Крымского ханства // МАИЭТ. 1993. Вып III. С. 319–339.
2. Большакова О.В. Российская империя: система управления (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор / ИНИОН РАН. М. 2003. С. 28–29.
3. Джумагулова А.Т. Некоторые аспекты ногайско-крымских взаимоотношений в XVIII в. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа: Материалы региональной научно-практической конференции, Пятигорск, 26 апреля 2019 года / Пятигорский государственный университет. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2019. С. 95–116.
4. Джумагулова А.Т. Ногайцы-кочевники в XVIII–XIX вв.: выбор между российским государством и Османской империей // *Nomadic Civilization: Historical Research*. 2021. Т. 1. № 4. С. 27–45. DOI 10.53315/2782–3377-2021-14-30-40-27-45.
5. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. 384 с.
6. Елисеева О.И. Григорий Потемкин. Изд-е 3-е. М.: Молодая гвардия, 2016. 672 с.
7. Жеребкин М.В. Проблемы интеграции Крыма в экономическое, правовое и культурное пространство // *Манускрипт*. 2020. №4. С. 24–28. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.3>
8. История дипломатии: в 3 т. М.: Госполитиздат. Т. 1. 1959. 896 с.
9. История крымских татар. В 5 томах. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв./ Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 1024 с.
10. Итоги и задачи изучения внешней политики России. М.: Наука, 1981. 389 с.
11. Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика Святослав Каспэ. М.: РОССПЭН, 2001. 253 с.
12. Клычников Ю.Ю. «Подкрепить грузинского царя Ираклия и армян... в составлении из них прочной для России барьеры...»: замысел и реалии Георгиевского трактата 1783 г. // Россия и Закавказье в историческом измерении и пространстве (к 240-летию подписания Георгиевского трактата): Сборник материалов Международного научного круглого стола, Ставрополь, 10–11 ноября 2023 года. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2023. С. 190–197.
13. Колесников И.Н. Присоединение Крыма к Российской империи в XVIII в // *Вопросы истории*. 2013. № 10. С. 131–137.
14. Крючков А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство: последняя треть XVIII — начало XIX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук. Саратов, 2006. 218 с.
15. Кундакбаева Ж.Б. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения. М.: АИРО-XXI, 2005. 103 с.
16. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского // *ИТУАК*. 1896. №24. С.58–60.
17. Маленко А.Ю. «Была пора: Екатеринин век...». Екатерина и Крым: по страницам документов. Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. 328 с.
18. Никифоров М.А. Проблемы интеграции Крыма в состав Российской империи в первые годы после присоединения // *Мусульманский мир*. 2015. №4. С.67–73
19. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг.: в 50 т. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
20. Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России: конец XVII - первая треть XIX в.: автореферат дис. ... доктора исторических наук. Армавир, 2013. 48 с.
21. Присоединение Крыма к России (рескрипты, письма, реляции и донесения): в 4 т. / под общ. ред. Н.Ф. Дубровина. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1885–1889.
22. Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / Под ред. Н.И. Храпунов, Д.В. Конкина. Севастополь: Альбатрос, 2017. 424 с.

23. Ратушняк В.Н. Борьба за присоединение Крымского ханства к России на рубеже 1770-х–1780-х гг // ИСОМ. 2013. №3. С.39–42.
24. Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века). М.: Московский общественный научный фонд, 1997. С. 52–66.
25. Ремнев А.В. Власть и общество в региональном измерении // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности: Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант. М, 2001. С. 317–344.
26. Российский государственный военно-исторический архив.
27. Сень. Д. Рецензия на книгу «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / Под ред. Н.И. Храпунова, Д.В. Конкина. Севастополь: Альбатрос, 2017. 424 с. // Ab Imperio. 2019. №1. С. 309–319.
28. Тур В.Г. Привилегии мусульман Таврической губернии (по архивным материалам XIX в.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
29. Узлов Ю.А. Интеграция Крыма и Кавказа в геокультурное пространство России (XVI–XIX вв.) // ИСОМ. 2014. №5. С. 18–22.
30. Ходарковский М. Степные рубежи России = Russia's Steppe Frontier: как создавалась колониальная империя, 1500–1800 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 349 с.

© Джумагулова Айгуль Темерхановна (aigul-men@mail.ru), Колесов Максим Александрович (tsargrad333@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»